

**ТРУДЫ АКАДЕМИКА Н.А. СИМОНИИ:
ОТ ПРОБЛЕМ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИИ В ИНДОНЕЗИИ —
К ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ**

Нодари Александрович Симония — выдающийся российский ученый, вклад которого в историческую науку, политологию и философию истории трудно переоценить. Теоретиков и философов общественного развития всегда немного, среди востоковедов их по понятным причинам — разобшенности, многообразия и специфичности исследуемых обществ — еще меньше. Востоковедение же наилучшим образом приспособлено к теоретическому осмыслению и объяснению многих современных процессов, не уместяющихся в аналитические образцы привычных и нередко упрощенных европоцентричных политических схем и учений. Именно с этим связан возврат интереса к теоретическим трудам Н.А. Симонии.

Краткая биографическая справка

Н.А. Симония родился в 30 января 1932 г. в Тифлисе, в 1950-м поступил в Московский институт востоковедения, который в 1954 г. был присоединен к Московскому государственному институту международных отношений (МГИМО) МИД СССР. Таким образом, Н.А. Симония получил диплом МГИМО, аспирантуру которого он закончил в 1958 г. Далее, в течение 30 лет своей карьеры, от младшего научного сотрудника до заведующего отделом, он работал в Институте востоковедения АН СССР. Кандидатскую диссертацию по проблемам формирования и становления нации в Индонезии Н.А. Симония защитил в 1958 г., а в 1974-м представил к защите докторскую диссертацию по теоретическим проблемам революционного процесса в странах Востока.

В 1988 г. по приглашению академика Е.М. Примакова, являвшегося в то время директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, Н.А. Симония перешел на должность заместителя директора ИМЭМО и через два года (в 1990 г.) был избран членом-корреспондентом АН СССР. В 1997 г. он стал академиком, а в 1998 г. — академиком-секретарем Отделения проблем мировой экономики и международных отношений РАН, оставаясь заместителем директора ИМЭМО. С 2000 г. Н.А. Симония — директор ИМЭМО РАН, головного научно-исследовательского учреждения по современным проблемам мировой экономики и международно-политическим вопросам.

Он написал 17 книг, сотни статей и разделов в коллективных трудах. Большая часть этих работ переведена на европейские и восточные языки.

Еще в 1970–1980-е гг. Нодари Александрович посредством творческого переосмысления марксизма создал «работающую» модель анализа взаимодействия «изменчивости» и «устойчивости» в процессах политических трансформаций. Адаптация этой модели к условиям и материалу современности является на сегодня предметом размышлений и дискуссий в среде самых серьезных аналитиков.

Помимо этого, в многообразном наследии ученого хотелось бы выделить сюжеты ранних его работ по новой истории Индонезии и проанализировать их значимость для сегодняшней исторической науки.

Работа Н.А. Симонии «Буржуазия и формирование нации в Индонезии» для историков-индонезистов представляла большой интерес [Симония 1964]. В 1964 г., когда появилась эта монография, теоретические проблемы еще не были разработаны в отечественной науке, достижения же науки буржуазной подвергались жесткой критике и по партийно-идеологическим установкам не использовались советскими историками. Вместе с тем для квалифицированной оценки исторических процессов в Индонезии нового и новейшего периодов требовалась рефлексия на уровне более высоком, нежели описание конкретных событий. Именно такие размышления и представил Н.А. Симония, такого рода работой и стала его книга, предлагающая через анализ конкретных событий и процессов к теоретическим обобщениям.

Вплоть до начала XX в. и окончательного превращения Нидерландской Ост-Индии, как именовалась огромная голландская колония, в государство Индонезия на ее территории не существовало единой государственной структуры. Н.А. Симония посвящает этому периоду первые две главы своей работы «Индонезия до появления голландских колонизаторов» и «Социально-экономическое развитие народностей Индонезии в период голландского господства». На протяжении всей истории до голландцев и под их властью на этих многочисленных островах располагалось множество всевозможных султанатов и княжеств. Не существовало в то время людей, которых можно было бы с полным основанием назвать индонезийцами. На островах проживали малайцы, яванцы, балийцы, даяки, буги, макасары и сотни других этносов, но ни Индонезии как страны или государства, ни индонезийцев как ее населения среди них не было.

При этом зарождавшееся освободительное движение было разобщено самой островной природой архипелага и многочисленностью проживавших на нем этносов. Важным этапом общественного развития страны стало название Индонезия, которое появилось лишь в 1908 г. на съезде партии Буди Утомо [Симония 1964: 64–65]. Борьба против колониальных властей была связана с формированием первых политических организаций: их этнический (национальный) и социальный состав, главные этапы деятельности, участие в развитии и распространении индонезийского языка, литературы и культуры. Именно эти исторические сюжеты легли в третью главу исследования Н.А. Симонии «Пробуждение и развитие национального самосознания народностей Индонезии в период до Второй мировой войны» [Симония 1964: 80–92].

Представляется весьма интересным для времени издания монографии, что в выводах по третьей главе указано на складывание в среде монолитных и крупных наций Индонезии (яванцы и минангкабау) межэтнических партий и организаций, готовых отстаивать интересы всех народов Индонезии, как важнейший фактор формирования общеиндонезийского самосознания [Симония 1964: 76–77]. Здесь же говорится о том, насколько классовая дифференциация, нередко в конкретных индонезийских условиях переплетавшаяся и совпадавшая с этническим делением, отражалась на борьбе политических течений, а при формировании новых партий соответствовала общеиндонезийским задачам освободительной борьбы.

Четвертая глава «Социально-экономическое развитие Индонезии после Второй мировой войны» посвящена анализу различных социальных групп и их экономическому положению и тенденциям его изменений в условиях республиканской власти. Здесь рассматриваются также предпосылки формирования и основные черты новой национальной общности.

В пятой главе «Экономические центростремительные и центробежные факторы» проводится краткий анализ развития экономических взаимосвязей между отдельными районами страны и дается характеристика позитивных и негативных тенденций в процессе формирования экономической основы единой индонезийской нации [Симония 1964: 93–111].

Шестая глава «Национальное самосознание и политические факторы в период республики» может без преувеличения считаться целиком новаторской на момент издания монографии, поскольку увязывала воедино столь непривычные для марксистской науки явления. При этом весь рассматриваемый материал весьма убедителен, поскольку опирается на конкретные события индонезийских провинций и прокатившуюся по ним в 1950-е гг. серию протестов и мятежей, спровоцированных либо

организованных локальными этническими политическими организациями. И хотя национальный вопрос не был первопричиной мятежей, а играл подчиненную роль в сепаратистском движении, сами мятежи, безусловно, оказали громадное отрицательное воздействие на ход и без того трудного и сложного процесса консолидации различных народностей и племен в единую индонезийскую нацию [Симония 1964: 128].

Последняя, седьмая, глава монографии «Языковая общность и религия» представляется исключительно интересным завершением работы, поскольку рассматривает вопросы чрезвычайной важности для любой культуры, но для полиэтнической и многоконфессиональной Индонезии являющиеся ключевыми при решении любых проблем внутреннего развития [Симония 1964: 136–145]. В главе рассматриваются примеры некоторых переплетений этнической и религиозной дифференциации, однако при этом сделаны важные выводы о том, что как культурные, так и религиозные различия в своем преобладающем большинстве не носят в Индонезии характера противоречий и не могут стать препятствием объединению людей в единую нацию индонезийцев [Симония 1964: 140].

В заключительных выводах по этой работе Н.А. Симония дает краткую оценку «направляемой демократии» президента Сукарно, по сути, предвосхищая последующие события 30 сентября 1965 г. в Индонезии [Симония 1964: 145–146].

Многое из написанного об Индонезии в 1960-е гг. нашло в дальнейшем свое развитие в других исследованиях ученого. 17 февраля 2005 г. Н.А. Симония принял главного редактора журнала «Международные процессы» А.Д. Богатурова и дал интервью, в котором ученый рассказал: «В 1991 г. я сдал в печать книгу “Что мы построили?”¹ [Симония 1991]. В той книжке, думаю, мне удалось показать, как сильно в СССР был искажен марксизм. К тому времени я прочитал все 55 томов сочинений В. Ленина, 46 томов К. Маркса и Ф. Энгельса, а также все труды И. Сталина. Сравнив их между собой, я показал, что у Сталина нет ничего от марксизма, кроме марксоподобной словесной шелухи. Но именно “по Сталину”, а не по кому-то другому были написаны все советские учебники! В том числе и учебники, по которым училось и Ваше поколение!

¹ Книга была уже набрана, когда 19 августа 1991 г. я узнал из теленовостей о попытке государственного переворота в Москве. Я подумал, что М. Горбачева могли арестовать в Форосе или даже он мог погибнуть, и тогда я решил добавить на ее титульный лист посвящение М. Горбачеву [Симония Н.А. Распад Советского Союза: причины и следствия // Конференции: Круглый стол проекта «Горбачевские чтения». 07.12.2006. URL: http://www.gorby.ru/rubr.asp?rubr_id=650&art_id=25871 (дата обращения 27.03.2009)].

Про себя я мог уже с уверенностью сказать: мой марксизм — это не марксизм советских учебников. В 1975 г. мне удалось опубликовать книгу “Страны Востока: пути развития”, за которую меня потом пять лет не выпускали за границу и ругали “антимарксистом”, “троцкистом” и “меньшевиком”. В той работе я показал, что социализма в СССР фактически не построили, а то, что существовало в реальности, не соответствовало марксовым представлениям о социализме.

Я ценю Маркса, но не переоцениваю его. Он сам себя не переоценивал. Он не говорил, что изобрел всеобщую теорию развития. Он изучил только Европу и сделал очень много для понимания европейского опыта. Главное, он показал, что капитализм самопроизвольно развивается в направлении социализма. Другое дело, что не ясно, когда он разовьется и можно ли строить социализм в одной стране. Он ошибался, переоценивая уровень развития капитализма. Но уже выводы позднего Энгельса звучат гораздо точнее. Он дожил до монополий и показал, что частнокапиталистическая модель капитализма не универсальна. Происходит гигантское расширение сферы непосредственно общественного труда. В советских учебниках это трактовали как простую национализацию, чтобы “обосновать” построение “социализма” в России.

При этом революции — не главное. Они только подталкивают объективные процессы, когда старая надстройка начинает сопротивляться. Сначала верхушка проводит сама новации, а потом пугается их последствий и начинает сама против своего же детища выступать. Революция не инструмент преобразований. Это Сталин придумал, будто бы надо захватить власть, чтобы с ее помощью проводить социалистические преобразования.

Мне нравится формационная теория, но не в примитивной трактовке. То есть я не имею в виду последовательную смену формаций в каждой отдельной стране.

Вторая важная вещь у Маркса — азиатский способ производства. Он показал, в чем отличие Китая, Индии, Индонезии от европейских стран. Дело в ином типе восточной общины. Община на Западе дала возможность развиваться противоречиям внутри общества, возникнуть партикулярной семье. Община на Востоке была коллективисткой. Крестьянские хозяйства находились под непосредственным руководством императора. Между императором и общиной — государственная бюрократия. Западная община была гораздо динамичней. Поэтому на Востоке не было феодализма европейского типа» [Симония. Распад Советского Союза: причины и следствия...].

По сути дела, многие из этих идей доказывались уже в ранних работах Н.А. Симонии. Подлинным взрывом интереса и одобрением серьезных специалистов сопровождался выход в 1976 г. его небольшой книги «Торгово-ростовщический капитал в странах Азии» [Симония 1968]. Ю.В. Маретин, в то время преподававший нам историю Индонезии на Восточном факультете Ленинградского университета, посвятил в своем курсе целую лекцию этой работе.

Важным выводом этой книги была новая оценка роли торговцев и ростовщиков в общественном развитии стран Азии. Значение этих представителей «мелкого» капитала в развитии общества традиционно для советской историографии принижалось как несопоставимое с капиталом крупным — промышленным либо государственным. Н.А. Симония первым показал, что в Азии ни крупного промышленного, ни скольконибудь свободного от коррупции государственного капитала не существовало, поэтому недооценка торгово-ростовщического капитала приводила к деформации в анализе общественных процессов стран Востока [Симония 1968: 37–50].

Некоторые свои идеи Н.А. Симония рассматривает сегодня на многочисленных примерах развития истории нашей страны. «И вот это обстоятельство, а именно то, что мы начали якобы строить то, что на самом деле невозможно было построить, предопределило тупиковость нашего развития. Ленин осознал это и попытался избежать этой тупиковости. Он опасался утверждения в России “царства крестьянской ограниченности”, как он выразился в беседе с иностранным корреспондентом. И Ленин предложил весьма конкретный проект выхода из отсталого состояния России через нэп, т.е. через “особый госкапитализм”. К сожалению, Ленин умер, не успев довести дело до “точки необратимости”, а Сталин вскоре же после его смерти приступил к демонтажу успешно развивавшегося госкапитализма. Характерно, что Сталин при жизни Ленина вообще ни разу не произносил это слово “нэп”» [Симония. Распад Советского Союза: причины и следствия].

Вы можете просмотреть все тома собрания сочинений Сталина до смерти Ленина и убедиться в том, что он умудрился нигде ни разу не упомянуть слово «нэп». Только после смерти Ленина он высказался в том духе, что Ленин сказал, что нэп — это всерьез и надолго, но он же никогда не говорил, что это навсегда. С помощью подобной демагогии он загубил нэп и заставил страну развиваться в течение 70 лет по тупиковому варианту.

И даже после смерти Сталина у нас никогда не было возможности подискутировать по поводу вариантов нашего общественного развития,

поставить под вопрос социалистичность нашего строя. В Китае была такая возможность. Даже при Мао Цзэдуна была возможность, хотя она была очень коварная: пусть расцветают сто цветов, потом эти цветы выросли, а Мао взял косу и все эти «цветы» скошил. Но тем не менее была дискуссия, и она оставила след. А после смерти Мао Цзэдуна дискуссии развернулись с новой силой и с огромным практическим результатом — Китай вернулся к своему варианту нэпа и достиг стремительного экономического роста.

У нас таких дискуссий не было. Наши дискуссии сводились к тому, что товарищ Сулов выступал и разъяснял нам, какой у нас социализм — «реальный», или «развитой», или еще какой-то. То есть была пустопорожняя игра в слова, но никакой серьезной научной дискуссии о том, что же мы все-таки построили и будем дальше строить, никогда у нас ведь не было [Симония. Распад Советского Союза: причины и следствия].

Поэтому эта псевдосоциалистическая модель настолько укоренилась, что не позволила выйти за ее рамки даже тогда, когда у узкого круга лиц, особенно у премьера Косыгина, созрело понимание того, что наша старая система промышленности уже не работает, отраслевая система во главе с министерствами пробуксовывает и появилась идея формирования вертикально-интегрированных объединений, на языке политэкономии это означало бы создание своеобразных социалистических монополий. Но даже и это провалилось, и косыгинская реформа вообще вылилась в пародию, потому что все, что было сказано хорошего и полезного о реформе (в газете «Правда» это заняло целую полосу), было перечеркнуто в конце документа, где говорилось, что проведение этих реформ поручается тем же министерствам. Министерства, естественно, не пошли на самоубийство, и в итоге все сохранилось, как было до того. То есть мы даже внутри своей квазисоциалистической, т.н. «социалистической системы» не смогли технически (я уже не говорю: социально-экономически, формационно) перейти на более высокую ступень развития существовавших производительных сил Советского Союза [Симония. Распад Советского Союза: причины и следствия...].

Второе, что заложил Сталин в смысле неизбежности развала Советского Союза, — это многонациональная империя. Наша империя принципиально отличалась от классических европейских, строившихся по принципу метрополия-колония, как, например, в случае с Великобританией. Там в самой Англии формировалась национальная государственность, а ее «имперскость» проявлялась в том, что у нее были заморские владения: полмиром владела и т.д. Но колониальные структуры были во

вне метрополии, где развивался чистый капитализм и т.д. А у нас все это было в рамках единого государства — самые разные структуры. И поэтому надо было проделать гигантскую работу, чтобы это многообразие превратить в гражданское общество, чтобы была национальная российская государственность — не имперская, а национальная, где единицей общественной ячейки будет гражданин, а не «этнический человек». Но об этом нельзя было даже заикнуться, потому что Сталин сказал о республиках, что они национальные по форме, но социалистические по содержанию. А так как этого содержания, в общем-то, не было, потому что никакого социализма не было, то, значит, оставалась только национальная форма. Постепенно эта форма проникала внутрь сознания, особенно руководства республик, и в итоге постепенно зрела та бомба, которая и взорвалась во время перестройки.

Как только во время перестройки наступило послабление, когда не только тоталитаризм, который начал постепенно разрушаться сразу после смерти Сталина, но даже пришедшая на смену авторитарная система начала давать слабину, особенно в период горбачевского правления, все взорвалось, потому что в республиках возобладало этническое самосознание. Элементы советской гражданственности оказались слабее этнического самосознания, к которому усиленно стали апеллировать локальные элиты. «И поэтому для усиления сепаратизма достаточно было прийти, скажем, в Грузии Гамсархурдии и провозгласить главенство этнического принципа: в Грузии живут только грузины. Естественно, что до сих пор мы расхлебываем (и прежде всего они сами расхлебывают) проблему Абхазии, Осетии и т.д. А ведь там еще есть достаточно компактные армянская и азербайджанская этнические группы» [Симония. Распад Советского Союза: причины и следствия...].

Еще одна монография Н.А. Симонии «Страны Востока: пути развития», вышедшая в 1975 г. [Симония 1975], стала предметом острых дискуссий, едва не стоила автору места работы и вызвала широкий интерес всех специалистов не только по истории и политическим процессам в странах Востока, но и обществоведов вообще. Работа посвящена развитию революционного процесса в странах Востока.

Вот что рассказывает об этом сам Н.А. Симония: «Главному редактору главной редакции восточной литературы издательства “Наука”, где книга была издана, О.К. Дрейеру, к которому попала рукопись, некоторые его доверенные лица настоятельно советовали книгу мою не публиковать, предвещая неприятности. Но Дрейер мне очень доверял. Он честно мне обо всем рассказал и посоветовал: “Вот ведь как народ тебе завидует...” Потом он поручил на всякий случай прочитать текст

издательскому редактору Б.Е. Косолапову — тот был человеком независимых взглядов. Он текст прочитал и сказал, что крамолы не находит. Так вот книга и была издана, тем более что название у нее было самое академичное и непритязательное.

Но шум все-таки поднялся. Наряду с К.Н. Брутенцом, заместителем заведующего международным отделом ЦК КПСС, был и Р.А. Ульяновский. Прежде он работал заместителем директора нашего института, но был “вытеснен” оттуда директором ИВАНа Б.Г. Гафуровым, который видел в Ульяновском соперника. До своего ареста в сталинские времена Ульяновский работал в Коминтерне, где по совместной работе был знаком с Б.Н. Пономаревым, который со временем стал возглавлять Международный отдел ЦК КПСС. Он и пригласил Ульяновского на работу в ЦК.

Ульяновский был возмущен книгой. Он как раз и назвал ее антимарксистской и меньшевистской. В этом ключе он сам написал две отрицательные рецензии на нее, которые были опубликованы в печати. Авторитет ЦК был в СССР невероятно высок, и отрицательный отзыв ответственного сотрудника аппарата ЦК мог быть прологом к очень серьезным неприятностям, из которых потеря работы была не самым страшным. Обстановка была тревожной.

Ульяновский преследовал меня по двум причинам. Во-первых, его очень раздражало то, что я занимаюсь теорией. Во-вторых, он хотел отомстить Гафурову, “свалив” его, и поэтому он предлагал мне вместе с ним выступить против Гафурова.

К счастью для меня, Ульяновский не смог добиться поддержки в борьбе против моей книги от других руководящих сотрудников ЦК. К.Н. Брутенц, к которому он обращался, отказался. Не стали “влезать” в это “дело” и другие руководители отделов.

“Разгромная” рецензия Ульяновского на 80 страницах попала в редакцию журнала “Новая и новейшая история”, главным редактором которого был академик С.Л. Тихвинский. Тот ознакомился с ней, прочитал саму книгу и... крамолы не нашел. Однако не публиковать рецензию сотрудника ЦК было невозможно. Тихвинский только попросил сократить ее до 40 страниц.

История кончилась весьма странным образом. Однажды к директору ИВАНа академику Гафурову пришел заведующий отделом науки ЦК КПСС Сергей Павлович Трапезников и спросил, нельзя ли каким-то образом положить конец “истории вокруг Симонии”. “Зачем Вы делаете из Симонии героя?” — спросил Гафуров. Трапезников предложил “напоследок” провести обсуждение книги в Институте востоковедения,

на что согласился Гафуров. Обсуждение состоялось. Двое выступили с критикой, третий не явился, но прислал письменный разгромный отзыв, а восемь поддержали мою книгу. Закрывая заседание, Гафуров сказал: “Мы все-таки накажем товарища Симонию, поручим ему переиздать его книгу”. Зал встретил реплику директора дружным смехом» [Симония. Мой марксизм...].

Весьма интересны для востоковедов и взгляды ученого на современное развитие стран Востока. Вестернизация как теория и политика, на взгляд Н.А. Симонии, потерпела полное поражение. Не она определила характер тех преобразований, которые реально происходили и происходят в странах за пределами географической зоны традиционной западной культуры.

В 1984 г. Н.А. Симония с группой коллег опубликовал (переведенную впоследствии на английский язык и выпущенную в США) книгу «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» [Эволюция 1984]. В этой работе на огромном фактическом материале было показано, что под внешним, иностранным влиянием происходит в лучшем случае «синтез», то есть соединение «местного» и «пришлого». Причем сначала это протекает в форме объединения западных и незападных социальных явлений и институтов, а только потом — их внутреннего содержания.

Характер подобных процессов и их результативность зависят от того, в какой пропорции сочетаются местные и привнесенные явления, насколько талантливы лидеры, осуществляющие реформы, в какой степени сами преобразования подготовлены предшествующим этапом развития соответствующей страны, например, если этот этап был колониальным. Не всем государствам «повезло» быть британскими колониями. На путь демократизации (как одной из форм политической модернизации) встали в первую очередь бывшие части Британской империи. Это не значит, что все британские колонии начали строить демократию, но все молодые государства, которые стали ее строить, оказались бывшими владениями британской короны. Исключение составляют только Филиппины, воспринявшие демократические традиции от Соединенных Штатов Америки, колонией которых они были. Все остальные колониальные державы — Франция, Голландия, Португалия — оставили после себя в бывших колониях военные или гражданские авторитарные режимы. А вот те, кому повезло больше, смогли быстро переодеться в «западный костюм», но сумели прошить его нитками традиционного, поэтому он на них и не распозлся. И только потом началась медленная и постепенная содержательная трансформация.

Это модернизация, но не вестернизация, так как изменения в рассматриваемых обществах не сопровождаются их уподоблением Западу. Восточные общества изменяются — Китай, Япония, Южная Корея, Малайзия, Сингапур, даже Таиланд. Но их модернизация не идет в форме вестернизации — и это важно. При этом далеко не везде модернизация сопровождается демократизацией. Получается, демократизация — важнейшая составляющая вестернизации, но не обязательный элемент модернизации. На деле «модернизационные» реформы во всех перечисленных странах проводились без демократизации.

На Западе демократия была органичным продуктом экономического развития, а не его инструментом. Причем само формирование демократии было длительным. Британии понадобилось около 280 лет с момента Великой английской революции (1640–1689), чтобы лишь в начале XX в. приобрести черты подлинной демократии, да и то за вычетом «женского вопроса», т.е. официального предоставления равных прав женщинам [Симония. Мой марксизм...].

В заключение хочется привести еще одно мнение Н.А. Симонии, относящееся к событиям последних десятилетий в России, но при этом отсылающее нас к индонезийской истории. Оно было высказано 6 декабря 2006 г. на заседании круглого стола «Распад Советского Союза: причины и следствия» (Международная конференция «Горбачевские чтения»): «Бюрократический капитализм (я предпочитаю этот термин) существовал во многих странах, но где-то он был с исторической и экономической точки зрения позитивный, как, например, в Южной Корее, Японии, Сингапуре, а в каких-то странах он носил абсолютно разрушительный и паразитический характер, как, например, при президенте Сукарно в Индонезии и некоторых других странах Азии и Африки.

Мы повторили абсолютно индонезийскую модель при Сукарно, когда все, весь государственный сектор был разворован, обогатились олигархи, денежные средства концентрировались на их личных зарубежных счетах, обнищало все население, вымыло вообще средний класс, его зачатки и т.д., и в итоге мы имеем то, что мы имеем. Нас теперь по этим децильным показателям сравнивают с Латинской Америкой, да и то многие латиноамериканские страны уже все-таки вперед ушли от того, что у нас происходит. То есть абсолютное расслоение.

Суммируя даже то небольшое, что было сказано выше, можно сделать вывод, что развал Советского Союза был неизбежным, но он вполне мог принять не разрушительные формы, а характер медленной, постепенной трансформации того, что было наработано до этого» [Симония. Распад Советского Союза...].

Таким образом, проследив исследования Н.А. Симонии на его творческом пути, очевидно, что размышления об исторических судьбах разных народов и их сопоставление привели выдающегося историка к наиболее острым теоретическим проблемам сегодняшней всеобщей истории.

Город в формационном развитии стран Востока / отв. ред. Н.А. Симония. М., 1990.

Н.А. Симония: Биография // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 20.01.2009).

Симония Н.А. Буржуазия и формирование нации в Индонезии. М., 1964.

Симония Н.А. Мой марксизм — это не марксизм советских учебников... // «Международные процессы». Т. 3. № 1 (7). Январь–апрель 2005 г. URL: <http://www.intertrends.ru/seventh/009.htm> (дата обращения 23.03.2009).

Симония Н.А. Распад Советского Союза: причины и следствия // Конференции / Круглый стол проекта «Горбачевские чтения». 7.12.2006. URL: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=650&art_id=25871 (дата обращения 27.03.2009).

Симония Н.А. Страны Востока: пути развития М., 1975.

Симония Н.А. Торгово-ростовщический капитал в странах Азии. М., 1968.

Симония Н.А. Что мы построили? М., 1991.

Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / отв. ред. Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. М., 1984.